

ТЕМА НОМЕРА: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ

УДК 323.22(470.23-25):316

Б.С. Гладарев

ГРАДОЗАЩИТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА НАКАНУНЕ «ЗИМНЕЙ РЕВОЛЮЦИИ» 2011-2012 Г.: АНАЛИЗ ИЗ ПЕРСПЕКТИВЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

ГЛАДАРЕВ Борис Сергеевич — научный сотрудник ЦНСИ, контактная информация: gladarevb@mail.ru.

На материале исследования градозащитных движений Петербурга через призму прагматической социологии Тевено и Болтански в статье анализируются характерные для российского общества механизмы общественной мобилизации.

Ключевые слова: протесты, мобилизация, механизмы общественной мобилизации, прагматическая социология, градозащитные движения, Санкт-Петербург, режимы вовлеченности.

За последние полгода мы оказались свидетелями мощной волны общественной мобилизации в России. Зимой 2011–2012 г. в страну вернулась активная гражданская жизнь. Для многих социальных исследователей эта мобилизационная волна стала неожиданностью. Научная дискуссия о «гражданском обществе» в России захлебнулась на рубеже 90-х — нулевых годов, возможно от несоответствия сформулированного западными социологами и социальными философами концепта и наблюдаемой «за окном» практики российской жизни. Однако практика общественной жизни Петербурга второй половины нулевых годов позволяет выдвинуть несколько предположений о природе общественного активизма в России.

Локальная общественная мобилизация в Петербурге проявилась прежде всего на уровне многочисленных групп и общественных объединений, возникающих в ответ на локальные угрозы окружающей среде. Начиная с 2006 г. экологические и культурозащитные движения постепенно становились все более заметными на общественной сцене города. Участились митинги, марши, пикеты, флеш-мобы, сборы подписей и прочие проявления публичной активности. Символом этой многовекторной мобилизации стала борьба с проектом строительства «Охта-центра».

Важно подчеркнуть, что конфликт, спровоцировавший среди петербуржцев волну гражданского активизма, возник за пределами политической и экономической сфер. Не бюджетники, лишившиеся последних льгот, не рабочие, требующие повышения оплаты труда или сокращения рабочего дня, не активисты оппозиционных партий, а защитники памятников истории и культуры Петербурга встали в авангарде общественной борьбы, развернувшейся в городе на протяжении последних шести лет.

© Гладарев. Б.С., 2012

Эта статья написана на материале исследования, проведенного в среде защитников петербургского наследия в рамках проекта Центра RES PUBLICA ЕУСПб и осуществленного при поддержке фонда «Династия» [5] в 2006-2009 гг. Эмпирической базой, на которой строятся дальнейшие рассуждения, являются 16 глубинных интервью с активистами движений «Группа Спасения памятников истории и культуры» (далее — ГС⁵), «Живой город» (далее — ЖГ⁶), группы «Экология рядовой архитектуры» (далее — ЭРА⁷), «Комендантский пятачок» (далее КП⁸) и др. На конкретных примерах из истории петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия проанализированы механизмы общественной мобилизации, опыт гражданского участия и особенности, отличающие петербургские общественные компании последних 20 лет, опираясь на концепции, разработанные в русле прагматической социологии Л. Болтански и Л. Тевено [3, 21–23, 26, 29, 30, 14, 15]. Болтански и Тевено предприняли попытку разработать категориальный аппарат, с помощью которого можно изучать социологическими методами обыденное чувство справедливости. Они перенесли категории «справедливость», «правда», «справедливое общественное устройство» с абстрактных «высот» философских дискуссий в «долину» конкретных форм социального взаимодействия «обычных людей», пытающихся прийти к согласию в каждодневных практиках, установить общие принципы эквивалентности.

Аналитическую реконструкцию типичных социальных механизмов включения горожан в общественную активность я буду производить, отталкиваясь от концептуального аппарата французской прагматической социологии. Концепция режимов вовлеченности Тевено, разработанная им совместно с Болтански, позволяет понять, как один и тот же человек может переключаться от одного модуса деятельности к другому, выявить широкую гамму регистров действия и модальностей его координации, исследовать, как на индивидуальном уровне происходит включение актора в публичную активность.

Тевено различает три режима вовлеченности: *режим близости, режим планового действия и режим критики и оправдания*. Чтобы не останавливаться подробно на особенностях каждого из этих режимов, я ограничусь сводной таблицей⁹.

В повседневной жизни люди постоянно переходят от ситуации к ситуации и переключаются из одного режима в другой. Человек привычно завтракает у себя на кухне («близость»), выходит из дома и садится в автобус №46, чтобы добраться до работы без толкотни в метро («план»), где заступает за женщину, которой нагрубил контролер («критика и оправдание»). Иногда одна и та же ситуация требует изменения регистра вовлеченности индивида. Такое переключение необходимо, когда случается «поломка» — нарушение привычного взаимодействия в одном из режимов — требуются дополнительные ресурсы для разрешения ситуации. Распространенным сценарием разрешения ситуации через смену регистров действия является изменение вовлеченности, вектор которого направлен от *режима близости к публичному*, от дословесного к системам аргументов и конвенциональным ценностям, «общему благу» и легитимным шкалам оценивания.

⁵ ГС («Группа Спасения») — движение за сохранение памятников истории и культуры (1986–1991), оказавшее огромное влияние на общественную жизнь Ленинграда в период перестройки [5].

⁶ ЖГ («Живой город») — движение за сохранение памятников истории и культуры, возникшее в 2006 г. и сыгравшее важную роль в градостроительных конфликтах администрации В. Матвиенко и горожан второй половины 00-х гг. [5].

⁷ ЭРА — движение за сохранение памятников истории и культуры, возникшее в 1987 г.

⁸ «Комендантский пятачок» — локальное движение жителей Приморского района Петербурга, которые объединились для защиты внутриквартального сквера от уплотнительной застройки. В 2009 г. активисты КП одержали победу над застройщиком.

⁹ Таблица заимствована из работы аспирантки Тевено Ольги Ковенева [13, с. 18].

Таблица 1 Характеристики режимов вовлеченности

<i>режим близости</i>	<i>режим планового действия</i>	<i>режим критики и оправдания</i>
<ul style="list-style-type: none"> • Персональные формы вовлеченности в мир • Удобство, уют • Знакомая, привычная, приятная среда • Простота • Привычный мир • Близкое окружение • Непосредственные отношения и общение, непосредственные контакты • Привязанности, близкие связи и отношения • Человек тесно вписан в свое окружение • Близкие вещи являются продолжением тела человека • Приспособление к близкому пространству, обживание близкого пространства • Приспособление своего пространства для проживания и привычного пользования • Забота, бережное отношение, внимание 	<ul style="list-style-type: none"> • Функциональное действие • Инструментальное действие • Намеренное действие, намерение, интенция • Индивид, носитель проекта • Автономный индивид • Самостоятельный индивид • Ответственный индивид • Рациональный субъект • Волевая и решительная личность • Воля • Индивидуальный план, индивидуальная цель, стратегия • Стратегический рациональный выбор • Расчет, планирование • Взаимовыгодный контракт • Функциональное схватывание реальности • Среда как функциональный ресурс • Функциональное инструментальное использование вещей 	<ul style="list-style-type: none"> • Публичные действия • Публичное обоснование • Публичные акторы • Конвенциональные легитимные оценки • Конвенциональное поведение и взаимодействие • Опосредованные отношения • Общезначимые высшие принципы оценки • Общие блага • Общий интерес
Дополняя эту таблицу, я бы выделил «источники» или «импульсы», отличающие действие в каждом из трех режимов:		
привычные образы (представления) вещей и людей, растворенных в памяти повседневного взаимодействия, дискурсивные основания которого стерты из памяти	правила (инструкции), здравый смысл и функционал, приписываемый вещам и людям (их социальные, культурные, экономические и проч. функции)	обобщенные (формально или неформально принятые) представления о «ценности», или «благе» общего порядка вещей и людей
Действия в каждом из режимов можно проиллюстрировать следующими примерами:		
здесь всегда ходили, а не ездили	это тротуар — он для движения пешеходов, а не для проезда на автомобиле	тротуары и правильное их использование — благо для развитой городской инфраструктуры
обычно джинсы я покупаю на Апрашке у Миши в «Джинсовом мире»	«реконструкция» комплекса Апраксина двора является нарушением существующего законодательства и ограничивает возможности жителей центрального района пользоваться традиционным местом для шоппинга	Апраксин двор является уникальным памятником истории и культуры, поэтому его сохранение — общественно значимая задача

Типичная схема нарастания вовлеченности такова: индивидуальная проблема, возникающая в режиме близости (например, «реконструкция» Апраксина двора, с которым у

вас связаны воспоминания юности, кроме того, вы привыкли покупать там товары первой необходимости и у вас там работали знакомые), создает ощущение дискомфорта (утрата привычного окружения, внешнее вторжение в близкое, наполненное личными смыслами и связями пространство), что порождает потребность в разрешении проблемы. Но *режим близости* уже разрушен. Смутная, но сильная (связанная с эмоциями) необходимость устранения раздражающего нарушения привычного близкого провоцирует переключение актора из *режима близости* в *режим критики и оправдания*.

Переживающий «поломку» человек пускается в обсуждения своей проблемы с другими заинтересованными лицами и группами социальных акторов (с друзьями юности, с которыми вместе ходили в «Мани-Хани», с соседями, которым тоже перекрыли короткий путь до метро, со знакомыми продавцами, которых скоро выкинут из Апраксина куда-нибудь на улицу Руставели и т.п.). В такого рода обсуждениях рождаются общие аргументы, объединяющие разных акторов для совместного противостояния внешней угрозе. Одной из универсальных ценностей, способных объединить разнородных социальных акторов, является историко-культурное наследие, воспринимаемое широким кругом петербуржцев как общее благо. Таким образом, привлекаются готовые аргументы из мета-нарратива о Петербурге: Апраксин двор нагружается историей и аутентичной уникальностью,¹⁰ находятся союзники за пределами ближайшего круга — историки архитектуры, члены ВООПИИКа¹¹, депутаты, журналисты и т.д.

Другой вариант разрешения «поломки» в режиме близости — переключение в режим действия по плану. В этом случае человек обращается к сводам правил и инструкций «по пользованию городом», к городским законам, а также к разметке городского пространства, которые содержат многочисленные путеводители, краеведческая литература. В рамках *планового режима* пишутся письма в КГИОП¹², городскую администрацию, в ЮНЕСКО и т.д. о том, как, кем и какие нормы и правила нарушаются («Апраксин двор является историко-культурным памятником регионального значения, охраняемым... невозможна реконструкция... оставьте все, как было, пожалуйста»). Таким образом, предпринимается попытка урегулировать ситуацию через переключение вовлеченных в нее акторов в *режим планового действия* (действие по закону, по инструкции, по нормативу и т.п.). Благодаря инструкциям и схемам, разработанными ЖГ, ЭКОМом¹³ и другими общественными организациями, осуществляющими консультирование и правовое сопровождение локальных инициативных групп, сценарий обращения к действию в *режиме плана* становится все более и более популярным. Но если действия в *режиме плана* оказываются неэффективными, происходит еще одно переключение — в публичный *режим критики и оправдания*.

¹⁰ На то, что локальные протестные группы жителей, выступающих против инноваций близкой городской среды, часто обращаются к «петербургскому мифу» для усиления своей аргументации, указывает и М. Закирова, которая в 2006-2007 гг. изучала десять случаев выступлений жильцов против строительства на территории двора: «Жильцы проводят работу по поиску информации о проблемной территории, пытаются реконструировать ее историю. Горожане рассказывают о значимости своего двора, раскрывая его уникальную историю и пытаясь доказать таким образом невозможность строительных работ на его территории» [9, с. 190].

¹¹ ВООПИИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Существует с 1967 г.

¹² КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга при правительстве Санкт-Петербурга.

¹³ ЭКОМ — Центр экспертиз ЭКОМ был создан инициативной группой ученых-экологов в 1999 г. на базе Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Основная цель этого НКО — содействие развитию в России современных подходов в области охраны окружающей среды. ЭКОМ занимается не только экологическими проблемами, в область интересов организации входят проблемы градостроительного планирования, сохранения природных и культурных ландшафтов, правового консультирования граждан в ситуациях нарушения их права на благоприятную окружающую среду и т.п. (руководитель — А. Карпов).

Когда личный дискомфорт (по поводу своей, индивидуальной проблемы) находит отклик в личном дискомфорте других по тому же поводу, это часто приводит к созданию инициативной группы, даже если дискомфорт у них несколько разного плана. Группа недовольных вырабатывает общие аргументы, что требует обобщения и перевода частного (конкретного, локального, личного) дискомфорта на язык общего блага (надындивидуального, абстрактного общего порядка ценностей). Также инициативная группа разрабатывает способы трансляции общих аргументов в публичное пространство (уличные акции протеста, публикации в СМИ и Интернет, привлечение международной общественности и т.д.), что является признаком переключения в *режим критики и оправдания*.

Далее на биографических примерах защитников петербургского наследия я проиллюстрирую типичный для наших соотечественников механизм вовлечения в гражданское участие.

Катализатором общественной инициативы обычно становится внешняя угроза — вторжение в режим близкого, эмоционально окрашенного окружения, рождающее ощущение внутреннего дискомфорта, возможной утраты и мобилизующее акторов на переключение в другие режимы социального действия. В начале любой волны общественной мобилизации обычно лежит «поломка» в *режиме близости* отдельного жителя. Именно в момент «поломки» многие повседневные и рутинные действия становятся заметными и рефлексированы акторами. «Поломка» может ощущаться как «нехватка» чего-либо или наоборот как навязчивое «изобилие». Например, нехватка зеленых насаждений, ощущаемая как следствие уплотнительной застройки. Или визуальная перегруженность рекламной информацией, происходящая из-за изменений в правилах размещения городской наружной рекламы и т.д.

Режим близости описывает максимально личностные формы вовлеченности в мир, который хорошо знаком и плотно заселен воспоминаниями, личным опытом. В *режиме близости* человек непосредственно взаимодействует с привычным окружением. Это действие в пространстве недифференцируемого и глубоко лично интегрированного, действие по правилам, растворенным в памяти повседневного. Динамика вовлеченности в *режиме близости* в значительной степени зависит от локальной подоплеки, которая мало доступна стороннему наблюдателю [3, с. 69].

Несмотря на два десятилетия постсоветской приватизации всего и вся, несмотря на нарастающую социальную атомизацию и увеличение степени неопределенности, приметам чего стали железные двери и решетки на окнах [25, с. 238], для многих жителей Петербурга *близкое* не ограничивается пространством частной квартиры или офиса.

Эмпирические данные, собранные в ходе исследования, дают основание говорить о том, что для части петербуржцев *близкое* социальное пространство простирается дальше железной двери своей квартиры и парадного, дальше решетки двора, дальше своей улицы и охватывает значительные фрагменты урбанистической среды. Отчасти это отношение восходит к советскому опыту — Октябрьская революция 1917 г. провозгласила, что «дворцы и памятники принадлежат народу», городское движение краеведов 1920-1930-х годов широко транслировало образцы общего использования этого культурного богатства, и, может быть, опыт блокады трагически и поэтому особенно прочно закрепил в коллективной памяти горожан особое отношение к городскому пространству как к «своему». В 1970-1980-х годах в городе был распространен своеобразный культурно-исторический эскапизм. Тогда многие перекидывали семантические «мостики» из советского настоящего в блистательное петербургское прошлое.

Отчасти взаимодействие с городом в режиме близости связано с особенностями самой городской среды Петербурга, выстроенного по европейским лекалам (линейная застройка улиц, обилие площадей, парков и других публичных пространств).

В случае Ленинграда/Петербурга можно наблюдать, как у некоторых его жителей формировалось нетипичное для советского общества восприятие «общего» городского пространства как «своего» — некоего гибрида между близким-приватным и общим-публичным. Город для тех, кого Н. Журавский назвал «профессиональными горожанами»¹⁴, существует на уровне усвоенных ими физических, телесных практик взаимодействия. Для них понятно, что имел в виду Мишель де Серто, когда писал, что «старые камни» являются перевалочными пунктами для призраков прошлого и требований настоящего, что они являются «проходами в многочисленных пограничных ограждениях, отделяющих друг от друга периоды, социальные группы и практики» [19, с. 114]. Публичные, организованные на европейский манер петербургские улицы, проспекты, парки осваиваются некоторыми горожанами в режиме близости. И поэтому «Любое грубое внедрение в тело города они [«профессиональные горожане» — Б.Г.] воспринимают как личную обиду. Все равно, как в вашу личную квартиру, которую вы пусть и старой мебелью обставили, собрали, а кто-то пришел и начал там хозяйничать. Как правило, такие вещи очень дерут глаз и вызывают дискомфорт. Вот, если улица тебе дорога и все на ней тебе дорого, то грубое внедрение туда убивает не только этот кусок, вся улица становится некомфортной. И целые места города могут так становиться некомфортными, места, которые ты чувствуешь шкурой, что вот тут паршиво стало» (Н. Журавский, активист ГС).

Если вспомнить Таблицу 1, удобство и уют являются характерными чертами режима близости. И в процитированном выше фрагменте интервью Журавский демонстрирует соотнесение режима близости с городским пространством. Сергей Васильев, говоря, что «город стал для нас одновременно родным таким близким пространством и сценой, сценой, где разыгрывалась сложная пьеса нашей общей жизни», указывает на возможности взаимодействия с городской средой как в режиме близости, так и в публичном режиме. Фрагменты городской среды — районы, кварталы, улицы, площади, набережные, дома, парки, памятники и т.д. — воспринимаются «профессиональными горожанами» одновременно как личное («родное пространство») и как общественное («сцена... для общей жизни»).

Признаком, маркирующим «профессионального горожанина» (потенциального активиста движения защитников наследия), можно считать многообразие его практик взаимодействия с урбанистической средой. Город для него — не только дорога от дома до работы, плюс несколько магазинов и развлекательных центров, а сложный, часто «живой», контрагент, с которым можно разным образом взаимодействовать и «общаться». Типичный репертуар подобного «общения» составляют прогулки, посещение публичных мест (кафе, пешеходные зоны, места тусовок (вроде «Казани» и «Трубы» в 1980-е), галерей и т.п., самодеятельные экскурсии, а также постоянное «вглядывание» в окружающее городское пространство. В случаях активистов ГС, ЖГ и других движений защитников наследия происходит «процесс «обобществления» городского пространства — соотнесенности мест,

¹⁴ «Профессиональные горожане — это люди, которые чувствуют свой город. Они знают его историю, они читали книги, особенно про свой ближайший райончик... Обычно все знали, где какая улица, чего, какая история, кем и когда все это было построено. Они ощущают некую эйфорию этого города, ощущают его особы шарм, пусть обшарпанный, но все равно шарм» (Николай Журавский, активист ГС). О значении навыка «чувствования города» писал один из ведущих отечественных урбанистов — Вячеслав Глазычев: «Идея Города как формы есть непременно чувство города... чувство осмысленного гражданства его обитателей» [6, с. 7]. Интересно, что Глазычев связывает «чувство города» с «гражданством», что отсылает к античным представлениям о полисе как республике.

зданий, истории города со своей жизнью, с осознанием того, что это чувство значимо и для других, происходит постепенно через освоение городского пространства, через личный, но в то же время разделяемый опыт» [10, с. 176].

Можно предположить, что в зависимости от широты спектра практик взаимодействия с городской средой, а также от частоты такого взаимодействия зависит индивидуальная степень вовлечения в режим близости с городом, с отдельными его районами, улицами или домами. В этом режиме рождается некое безмолвное понимание города, о котором говорили некоторые информанты: «Это ощущение того, каким должен быть этот город. Ну, да. Внутреннее, часто даже необъяснимое понимание, что так вот делать не нужно, а так — правильно» (С. Васильев, активист ГС).

В работах Тевено можно найти упоминания о трех формах режима близости [30], подчеркивающих отдельные особенности этого способа взаимодействия с реальностью. Материалы, собранные в ходе исследования городских движений защитников наследия, позволяют говорить, что активисты ГС и ЖГ склонны взаимодействовать с городским пространством во всех трех формах режима близости. Их отличает глубокое личное знакомство с городским пространством — *regime de familiarite*; обилие практик использования (экспериментирования) с городской средой (прогулки, шатание, стихийные экскурсии и пр.) — *régime d'exploration*; привычка к молчаливому слиянию с урбанистической средой — *régime de contemplation*.

В режиме близости мир вокруг хорошо знаком и плотно заселен воспоминаниями, личным опытом, что определенным образом настраивает систему восприятия этого мира. Насколько можно судить по собранным мной историям и рассказам активистов движения, многие из них воспринимают город как «свой», «родной», «близкий». Режим близости расширяется до масштабов дома, двора, улицы и даже района, включая крупные фрагменты городского пространства. И внешнее вторжение в эту близкую среду воспринимается болезненно. Проиллюстрируем этот тезис обширной цитатой из интервью: «Дело в том, что я всю жизнь прожила на Невском, 132. И все детство, и всю школу. Школа находилась на Невском, 100. И мой каждодневный маршрут проходил от Невского, 132 к Невскому, 100. Это как раз таки по Невскому, по всему, через все магазины, что были там тогда и мимо домов 114-116. Там на углу находился магазин «Наследие», где продавались всякие предметы старинной мебели, антиквариата (и это меня очень привлекало)... картины. И я туда каждый раз заходила. Ну, новые поступления смотрела. А потом мы переехали на Васильевский остров на 18 линию и, к сожалению, в этих местах я реже стала появляться. Но однажды гуляя по Невскому, я увидела, что дом 116 обнесен стеной и уже готовятся работы по сносу его. И уже закрыт этот магазин и все ближайшие магазины. Мне это дико стало больно. Я не могу описать почему, но это видимо что-то на генетическом уровне. Да, там еще магазин с дисками был музыкальными, в который я тоже часто заходила. Там много чего было куплено мной, то есть моя личная история была связана с этим домом. И я там знала уже каких-то продавцов, ну, в общем какая-то жизнь у меня интересная сложилась с этим именно конкретным углом, там вход с угла был. И мы там все время назначали встречи с родственниками, когда они забирали меня со школы, встречи с друзьями. То есть это место было таким родным и важным, а тут, понимаете, иду и нету ничего! Все сносят» (Л. Никонова, активистка ЖГ).

Волков и Хархордин, интерпретируя теоретический подход Тевено, отмечают, что «связь в этом режиме близости — не только синхроническая (координация между живущими здесь и

сейчас), а и диахроническая: вещи связывают нас с предыдущими поколениями... то есть, буквально давая физическую опору и основание национальной идентичностей» [4, с. 242]. Эту диахроническую связь можно наблюдать у многих активистов движения за сохранение памятников истории и культуры. Никонова продолжает свою историю: *«А потом, позже, я еще узнала, что на этом месте была булочная во время блокады. И моя бабушка, которая жила на Невском, 110, тоже вот в этом же квартале, ходила туда по талонам получать вот эти 125 грамм. Тот мизерный паек... И там люди умирали. Она рассказывала кучу диких историй, как там бомбы разрываются, люди в очереди умирали от голода не дождавшись пайка, то есть это еще мемориальная точка. И все это сложилось в одно. /.../ Бабушка на Невском 110 жила. То есть это родовое пятно такое получается».*

Возможно, потому что неизъяснимые ценности режима близости связаны с лично важным, упакованным в память тела, опытом повседневного рутинного взаимодействия, ценности этого режима защищаются наиболее аффективно. Аутентичность «дорогих мест», узнаваемость городского пейзажа («особое очарование», «гений места») обладает большой личной значимостью¹⁵: *«Я ходил по городу и уже как-то подсознательно отмечал вот эти изменения, которые происходят в городе, и ворчал про себя, не нравилось это мне, но какого-то организованных действий не предпринимал. Все заканчивалось таким внутренним протестом»* (А. Воронцов, активист ЖГ).

Когда нарушается привычный «порядок вещей», например, сносится старое здание и возводится новое, многие горожане испытывают сильный эмоциональный дискомфорт: *«Я перестал узнавать свой район»,* или: *«Я физически ощутила боль от потери этого квартала. С ним было столько связано моей личной истории».* Внешние инновации, привносимые в городскую среду властями и инвесторами, воспринимаются как вторжение в их личное пространство, нарушающее «узнавание», приносящее «физическую боль», инновации «дерут глаз и вызывают дискомфорт», отчуждают пространство.

Городское пространство воспринимается активистами движения за сохранение наследия одновременно через категории «своего», «индивидуального», но также и через личную близость с чем-то «общим», не принадлежащим только им, а значит — «общественным». Причем «общественным» не в советском его понимании как «народного» (на официальном уровне), или как «ничейного» (на уровне обыденного знания). Историческая городская среда, воспринимается активистами ГС и ЖГ как «общее» «наше» «наследие» и даже в чем-то «наследство»¹⁶. А покушения «частников» («инвесторов», «строителей», «капиталистов» и пр.) на «общее наследие», его приватизация (а значит, требования окупаемости и в итоге — неизбежная трансформация исторического центра, происходящие при попустительстве или даже посредничестве городской администрации) вызывают у людей сначала внутренний индивидуальный дискомфорт, поломку привычки, а затем и коллективный протест и консолидацию вокруг идеи общего блага.

Таким образом, часто люди вовлекаются в проблематику защиты историко-культурного наследия в режиме близости, ощущая «поломку» на безмолвном уровне физического

¹⁵ Как отмечал Лоуэнталь: «Узнаваемость делает окружающую обстановку удобной, потому что она привычна... это одна из основных причин нашей эмоциональной привязанности к старому, напоминающему о прошлом» [16, с. 86].

¹⁶ Английское heritage и французское héritage одновременно обозначают наследство в юридическом смысле и наследие в переносном, символическом значении. Лишь Николай Беляк заметил эту связь: «Главное в городе не наследие, а сочетание наследия и наследников. Способ наследования — вот это самое важное. Эта связь между великим прошлым и возможным будущим», однако подобные размышления редко встречаются в интервью с другими активистами движения защитников петербургского наследия.

взаимодействия с городской средой. По мере накопления подобных «поломок» человек, пытается разобраться в своих ощущениях и определить причину дискомфорта. Человек возмущается, желая восстановить обычный «порядок вещей» (или домов): *«Я довольно часто хожу по городу, и до какого-то времени этого не замечаешь. То есть проходишь мимо синих заборов, о чем-то думаешь о своем, и никаких эмоции это не вызывает. Потом, в какой-то момент количество переходит в качество. Для меня таким качественным переходом стало разрушение домов на углу Невского и Восстания, там еще не сразу все закрыли, еще этот процесс можно было наблюдать, можно было наблюдать и результат — зрелище конечно было не для слабонервных. И просто появилось, что надо что-то делать. Возникло такое ощущение, что происходит что-то, что касается именно меня»* (Ю. Минутина, активистка ЖГ).

То есть первичный импульс к общественной активности возникает у будущего активиста в результате «поломки» на уровне *режима близости* и переключает человека в новый режим вовлеченности. Это может быть либо *режим публичного оправдания*, либо *режим планового действия*.

Иногда «поломка» в привычном, связанном с повседневным личным опытом обыденного взаимодействия может приводить к переключению актора в *режим планового действия*. Согласно Тевено, действие в этом режиме «соответствует рациональному действию индивидуального субъекта, которое связано с устойчивыми представлениями о намерениях акторов, но главное — с функциональным восприятием мира» [21, с. 85]. Действие в этом режиме ориентировано на здравый смысл, на следование общим правилам и инструкциям, которые часто подразумевают инструментально организованное оценивание ситуации. Как и в *режиме близости*, в *режиме планового действия* человек вовлечен в ситуацию индивидуально, что отличает оба эти типа действия от *режима критики и оправдания* — публичного, а значит, актер в нем заведомо не автономен. Однако если индивидуальное действие в *режиме близости* по сути близко к нерелексируемой практике (или «тактике», в понимании де Серто [27]), то в *режиме планового действия* человек ориентируется на законы, правила и инструкции и действует рационально и скорее стратегически, чем тактически и по привычке.

Локальные фрагменты города часто воспринимаются горожанами как «свои вещи», а значит, у них есть представления о том, как ими «правильно пользоваться». Но помимо индивидуальных представлений существуют также некоторые общие для горожан правила и инструкции: законы, нормативные акты, правила поведения и морально-этические кодексы, к которым обращаются, когда повседневной компетенции оказывается недостаточно для решения проблемы. Актер переключается в *режим плана* и требует того же от других участников ситуации: *«Постепенно накапливаемое мной раздражение от множющихся в городе синих заборов оформилось во внутренний вопрос: а по какому праву? И я попробовал разобраться в градостроительном законодательстве»* (А. Воронцов, активист ЖГ).

В *режиме планового действия* горожанин, целостность привычной близкой среды которого нарушили градостроительные инновации инвесторов или городской администрации, обращается за помощью к сводам правил, или норм «по пользованию городом», чтобы почерпнуть в них аргументы для защиты привычного порядка. Инструкции по «культурно-исторической ценности» содержатся в городских путеводителях, в учебных пособиях, изданных в рамках школьного курса «История и культура Петербурга». И активность в *режиме планового действия* обычно заключается в штудировании краеведческой и правовой литературы и иногда выливается в «письма государству», которые посылаются во всевозможные

государственные институты, лично отдельным чиновникам и прочим «людям, влияющим на принятие решений». Остановимся несколько подробнее на этой практике.

Отечественная традиция писать разного рода жалобы «начальству» (от царей до партийных руководителей и чиновников современной нам бюрократии) имеет ряд специфических свойств, которые требуют пояснений, особенно в сравнительной перспективе с традициями политической культуры стран Западной Европы¹⁷.

Глубоко укоренившийся в сознании россиян патернализм, на который указывают многие исследователи, способствует исторической устойчивости и распространенности практик писания жалоб. В частности, Е. Богданова отмечает, что в советский период подача жалоб являлась наиболее типичным способом отстаивания своих интересов [2]. Этот способ имел отработанный механизм, созданный и поддерживаемый государством [20]. подача жалоб была повседневной практикой советских людей. Жалобы подавались в устном и письменном виде, в различные инстанции и с разными целями. «Жаловались все и по всем поводам» [1]. «Жалоба» стала фактически институционализированной практикой, с помощью которой советский, а за ним и постсоветский человек пытается преодолеть раздражающие импульсы внешней среды. Типичное реагирование воспитанного советской системой «гражданина» на поломки в режиме близости — пожаловаться «руководящим органам», причем лучше в лично адресованной манере.

Собранные в 2008–2009 гг. эмпирические материалы о деятельности городских общественных инициатив, убедительно демонстрируют устойчивость практик писания жалоб, практик выстраивания клиентских отношений с чиновниками. Как и в советский период, активисты современных городских движений склонны к патерналистской модели взаимодействия с государственными институтами. Особенно этот жанр распространен среди активистов локальных протестных групп. Депутат городского заксобрания, лидер ГС А. Ковалев описал природу российского взаимодействия между государством и гражданами достаточно резко: *«У нас нет граждан, у нас подданные, по большей части. Они не способны к гражданскому действию, они могут только любить власть и бояться власти. И нет ничего удивительного в том, что власть их долбает время от времени. И делается это, понятно, по-нашему, по-царски, то есть непредсказуемо и асимметрично».*

Сопредседатель петербургского отделения ВООПИИК А. Марголис, рассуждая об особенностях местного локального активизма, отмечал: *«Последнее время все большее количество людей затрагивает градостроительная политика... Однако патерналистски воспитанные жители чаще всего не идут дальше жалоб в вышестоящие инстанции».* Марголис привел характерный пример патерналистского мышления наших сограждан: *«В Кронштадте разваливается Морской собор: пошли трещины, барабан купола в аварийном состоянии, и специалисты ставят жуткие диагнозы. Жители уверены, что все быстро восстановят, потому что жена Медведева из Кронштадта. Репертуар их активности ограничивается написанием*

¹⁷ Это стало особенно очевидно в ходе сравнительного исследования финских и русских локальных активистов. Его объектами являлись две локальные общественные инициативы, в ходе которых жители выступали против инфраструктурных проектов, нарушающих их представления о благоприятной окружающей среде. В Хельсинки это была инициативная группа жителей района, расположенного в «Долине Кумпула» (Kumpula), которые в 2009 году объединились против проекта строительства новой автотрассы через «Долину» (движение «Нет строительству дороги в Долине Кумпула» - «Ei katuja Kumpulankäytävään»). В Петербурге объектом изучения стала локальная общественная группа — «Комендантский пятачок», объединившая в 2009 году жителей Комендантского проспекта в борьбе за сохранение сквера, которому угрожало уничтожение в ходе уплотнительной застройки (исследование проводится вторым совместно с Markku Lonkila). Финны, в отличие от наших соотечественников, стараясь разрешить локальный конфликт, как правило, не пишут жалобы лично какому-то городскому начальнику (к персонифицированной власти), а обращаются с запросами к тому или иному административному органу в безличной форме, рассчитывая получить оперативный персональный ответ.

писем Светлане Медведевой». В рамках патерналистского мышления обращение к супруге главы государства может быть эффективнее обращения в государственные службы, которым предписано заниматься сохранением памятников или зеленых насаждений.

Участники движения КП в интервью подтвердили, что письма и жалобы были первыми формами протеста, который они освоили.

Интересно, что, как правило, активисты локальных протестных движений пишут жалобы не непосредственно институту или органу государственного управления, а лично такому-то «ответственному лицу», «депутату», «руководителю» и т.п. «Мы писали... государству», — так выразилась об адресатах жалоб активистка КП. Но писали они государству, персонифицированному в лице конкретных «Иванов Петровичей» и «Сергеев Степановичей».

Чтобы освоить специфические навыки, увеличивающие эффективность жалобы, необходимо, — согласно Богдановой, — научиться правилам этой процедуры: знать «куда надо жаловаться» и «как надо жаловаться» [1]. Собранные мной эмпирические данные указывают, что многие из активистов общественных инициатив, вовлеченных в градостроительную тематику (защита наследия, локальные инициативы, выступающие против уплотнительного или мансардного строительства, экологические группы и т.п.), начинали именно с жалоб, постепенно осваивая практику куда и как нужно писать «письма государству».

«Письма государству» — это устойчивый и распространенный у нас способ взаимодействовать в режиме плана с государственными службами и даже шире — с «властью». Два примера из интервью с активистами ГС и ЖГ — движений, разделенных 20 годами, на протяжении которых в стране произошла настоящая социальная и экономическая революция, демонстрируют, что культурные изменения происходят у нас в отставшем режиме. Практика «писем государству» хоть и изменилась, но сама по себе не исчезла, оставаясь одной из самых популярных форм действия в режиме плана:

Информант: Однажды мне позвонила моя одноклассница, с которой мы институт вместе закончили, и сказала, что ей стало известно о том, что через Луговой парк собираются проложить дорогу [Луговой парк в окрестностях Петергофа — Б.Г.]. Окружную дорогу. И каким-то стихийным образом среди нас возникла такая небольшая группка из трех человек: я, Лена М. и Марина Б. Мы стали изучать эту проблему и стали очень активно писать всякие письма протеста, обращения. Это где-то в 85-ом началось.

Интервьюер: Тогда уже можно было писать письма?

Информант: Да. Более того, это приносило успех. Раньше было даже и немыслимо писать. Вот. Я помню, что мы писали и Горбачеву, и писали министру культуры» (П. Никонов, активист ГС).

Писание жалоб (челобитных) и запросов — первый и почти обязательный этап в эволюции типичного локального конфликта в России¹⁸. В этих «письмах государству» гражданами используются знания и представления, подчеркнутые из краеведческой и юридической литературы (о ценности и значении тех или иных элементов урбанистического пространства, о функционале отдельных институтов городской власти), они используются для защиты собственных представлений о «благоприятной окружающей среде», о «правильном развитии градостроительной политики» в каждом конкретном случае. Но важно отметить, что переход в режим планового действия особенно характерен для людей, старающихся решить

¹⁸ На это же указывают другие исследователи. Например, у М. Закировой находим подтверждения распространенности практики «писем государству»: «Отдельные жильцы пишут письма президенту России в надежде, что он с пониманием отнесется к их проблеме, примет соответствующие меры и избавит жильцов от угрозы» [8, с. 230].

какую-то локальную проблему напрямую через обращения в государственные институты, без выхода на публичный уровень.

Когда происходит «поломка» в режиме *планового действия*, сама логика этого регистра (либеральная, стратегическая, функциональная, основанная на рациональном выборе) обращает актора к поиску нового *плана* реализации намеченной стратегии. Если, как в случае с застройкой сквера на Комендантском-40, полторы тысячи писем, оповещенных локальными активистами, не приводят ни к каким изменениям, люди вынуждены переключаться в *публичный режим критики и оправдания*.

Разрушение, или значительная трансформация пространства, воспринимаемого как *близкое*, или же невозможность действовать по плану часто толкает людей к необходимости обсудить произошедшие изменения с другими. Болтански и Тевено так описывали этот социальный механизм: «Человек, понимающий, что что-то не так, редко хранит молчание... Понимание того, что что-то не так, чаще всего означает для человека невозможность жить так дальше. Поэтому человек стремится поделиться проблемами с людьми, с которыми он до сих пор осуществлял совместную деятельность» [3, с. 66].

Мобилизация низовых движений — это интерактивный процесс, когда через коммуникацию осуществляется определение и интерпретация проблемы [28, р. 16]. Человек обсуждает с другими свою проблему, тестируя систему собственных аргументов, чтобы адаптировать (перевести) их в категории, доступные широкой публике. Подобная совместная работа по выработке объединяющих и понятных идей и лозунгов указывает на переключение вовлеченных в ситуацию акторов в *режим критики и оправдания*. Согласно французским социологам, этот режим связан с высшими общими принципами, общими формами блага и предполагает публичное действие. Вовлечение социальных акторов в *режим критики и оправдания* предполагает переход от единичного к общему, выработку способностей к обобщению, к аргументации своей позиции с точки зрения разделяемых ценностей и порядков величия (*ordres de grandeur*) (или «оценочных шкал» — Б.Г.), лежащих в основе оценивания — «акцентирование внимания не на индивидуальных, а на коллективных сущностях» [3, с. 78].

Происходит первичная генерализация индивидуальных идей и представлений отдельных акторов в обобщенные и разделяемые всеми участниками системы аргументации, формируются цели, задачи движения, определяются методы их достижения. То есть при переходе в *режим критики и оправдания* происходит выстраивание новой «грамматики политической связи». Эти *грамматики*, берущие начало в политической философии, поддерживают как институциональные конструкции, так и способы публичного действия [22].

Тевено отмечает связь между действиями актора в различных режимах вовлеченности: «Первоначальные связи человека с окружающей средой путем приспособления к вещам, которые он использовал, и к которым он привык... являются основой для построения более публичных и гражданских видов политической и моральной деятельности» [21, с. 101]. В публичном режиме вещи превращаются в аргументы, и чем публичнее ситуация, тем значительнее дистанция между вещами, которые можно «потрогать», и дискурсивными моделями этих вещей.

При публичном озвучивании частное мнение наделяется специфическим весом, а вынесший его на суд общественности человек или группа приобретают черты публичных акторов. Их заявления уже не являются частным мнением, которое можно просто игнорировать. Публичность придает мнению более «плотную» социальную фактуру. Не

случайно законодательные акты становятся действующими законами только после их опубликования — вынесения на общественное обозрение. Публичное мнение обладает большим резонансом еще и потому, что озвучивший его социальный актор (индивидуальный или коллективный — не важно) несет за него большую ответственность, чем за суждения, высказанные, например, в дружеской компании на рыбалке или «интеллигентской кухне».

Очень, на мой взгляд, хорошо процесс нарастания публичности описал С. Васильев, когда рассказывал о вовлечении ГС в общественное пространство города после театрализованного митинга в защиту дома Дельвига 19 октября 1986 г.: *«Ну, произошла такая акция. Мы понимали, что это событие. Как на негоотреагируют? Дальше вот Наталья Курапцева, газета «Смена»... нам предложила сделать интервью. /.../ Вот. А дальше стал происходить такой процесс... С одной стороны, мы проснулись уже, ну, что называется, в другой реальности. Телефоны... Наши телефоны остались у всех, мы их на митинге давали для связи. И нас все воспринимали, как... «Ну, давайте!» «Ну, чё дальше теперь делать?» «А давайте вот...» «А почему вы не хотите?» «А вы знаете, я вам хочу сообщить о таком факте, что вот есть Муринская церковь и она разрушается, а она... там прекрасный архитектор Львов?» «А вы знаете, что вот есть дом Матюшина? Вы не знаете, кто такой Матюшин? Вот эта деревянная избушка. Почему вы занимаетесь только...? Мы погрузились в новую жизнь».*

Переключение в режим критики и оправдания оценивается информантом как «другая реальность», где меняется характер социального действия, где появляется новый уровень ответственности за высказывания и действия: *«Тут стало необходимо соответствовать: взялся за гуж... Вот я назвал себя, что я деятель, я — это группа. Мне задают вопросы, я должен на них отвечать. Я за них отвечаю, за своих, за группу, если я чего-то вякну не так. Я не могу теперь просто в сторону отойти. Вот что произошло»* (С. Васильев, активист ГС).

Таким образом, в отличие от индивидуального действия в режиме близости или плана, взаимодействия в режиме критики и оправдания публичны и поэтому направлены на других — анонимных наблюдателей, публику, следящую за развитием спора, сторонников и оппонентов. «Необходимость акцентирования эквивалентности является основным признаком того способа или режима, каким люди управляют спором. Мы, — пишут Болтански и Тевено, — будем называть этот режим оправдания режимом справедливости» [3, с. 68]. Переход к действиям в публичном режиме требует от людей другого уровня ответственности, умения действовать сообща, усваивания специфических навыков публичного обсуждения.

Анализируя деятельность петербургских градозащитников второй половины нулевых годов в числе наиболее важных результатов я бы отметил организованную ими трансляцию широким слоям горожан позитивных примеров гражданской активности, примеров, рождающих веру в результативность коллективных действий. Активисты ЖГ (и других общественных объединений, вовлеченных в градостроительную проблематику) не только создавали новые формы общественной активности, они выступали информационным, коммуникационным, а иногда и организационным ресурсом для множества локальных групп градозащитников.

Учитывая исследованные на примере градозащитников Петербурга механизмы социальной мобилизации, можно задуматься над импульсами, которые подтолкнули десятки тысяч россиян выйти на улицы в 2011-2012 гг. Движение за честные выборы — это новый шаг в развитии общественного сознания в России, или все тот же фрагментарный ответ на внешний вызов, полученный участниками «зимней революции» из личного опыта

фальсификации, которую они наблюдали во время голосования на думских и президентских выборах?

Литература

- 1 Богданова Е. Газетные жалобы как стратегии защиты потребительских интересов: позднесоветский период // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 6. С. 44-48.
- 2 Богданова Е. Советская традиция правовой защиты, или В ожидании заботы // Неприкосновенный запас. 2005. № 1 (39). С. 76-83.
- 3 Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности// Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 66-83.
- 4 Волков В., Хархордин О. (2008). Социология Болтански-Тевено: миры и режимы // Теория практик. Глава 13. СПб. : ЕУСПб, 2008. С. 224-242.
- 5 Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга : рождение общественности из духа города // От общественного к публичному/ под ред. О. Хархордина. СПб. : ЕУСПб, 2011. С. 71-304.
- 6 Глазычев В. В поисках утерянного города // Знание и сила. 1995. № 2. С. 4-7.
- 7 Дубин Б. Социальная атомизация как наследие и данность // Индекс/Досье на цензуру. 2009. № 29. С. 6-12.
- 8 Закирова М. «Вот здесь видно все!»: самопрезентация город. обществ. движения/ / Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 217-240.
- 9 Закирова М. Образы города в мобилизации городского общественного движения : (на примере Санкт-Петербурга) // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М. : Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 180-205.
- 10 Калачева О. Общие и общественные вещи современного города // Что такое республиканская традиция : сб. статей / под ред. О. В. Хархордина. СПб. : ЕУСПб, 2009. С. 163-187.
- 11 Клеман К. Рождение движений в России : тезисы к докладу «Рождающиеся социальные движения в нынешней России : качественный сдвиг в общественно-политической культуре страны». URL: <http://dvizh.org/2008/11/26/613/>.
- 12 Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам : зарождающиеся социал. движения в современ. России. М. : Три квадрата, 2010. 688 с.
- 13 Ковенева О. В. Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлеченности» // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 5-21.
- 14 Коркюф Ф. Люк Болтански и объективация групп // Новые социологии / Ф. Коркюф. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2002. С. 120-125.
- 15 Коркюф Ф. Множественность режимов действия у Люка Болтански и Лорана Тевено/ / Новые социологии / Ф. Коркюф. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2002. С. 153-162.
- 16 Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб. : Русский остров, 2004. 625 с.

- 17 Нильсен Ф. С. Глаз бури. СПб: Алетейя, 2004. 347 с.
- 18 Рябев В. В. К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 2. С. 5-21.
- 19 Серто М. де. Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 108-121.
- 20 Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху : (1920-е-1950-е гг.). М. : АИРО-XXI, 2008.
- 21 Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 84-111.
- 22 Тевено Л. Наука вместе жить в этом мире // Неприкосновенный запас. 2004. № 3. С. 5-14.
- 23 Тевено Л., Карева Н. «Чудесный хлеб» гостеприимства : (недоразумения, проясняющие открытость и закрытость сообществ) // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 (100). С. 678-701.
- 24 Федорова К. Общество: между всем и ничем / под ред. О. Хархордина. СПб. : ЕУСПб, 2011. С. 13-68.
- 25 Шпаковская Л. «Мой дом – моя крепость» : обустройство жилья нового среднего класса // Новый быт в современной России : гендер. исследования повседневности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. СПб. : ЕУСПб. , 2009. С. 222-261.
- 26 Boltanski L., Thévenot L. De la justification: les économies de la grandeur. Paris: Gallimard, 1991.
- 27 Certeau M. de. The practice of everyday life. Berkely : University of California Press, 1983.
- 28 Lahusen C. The rhetoric of moral protest. Berlin : Walter de Gruyter, 1996.
- 29 Thévenot L. (1994). Le regime de familiarite : de choses en personne // Geneses. 1994. Vol.17. P. 72-101.
- 30 Thévenot L. L'action au pluriel : sociologie et des régimes d'engagement. Paris : La Découverte, 2006.